

ЖУРНАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.

(Новые герои современного романа. — Анонимная пошлость. — Семья. — Учащаяся молодежь).

Журналистика текущего года въ общемъ такъ-же отдаетъ бѣдностью и скукой, какъ это замѣчалось и въ прошломъ году. Почти ни одного яркаго типа, художественнаго образа — все мелочи, мелочи и мелочи. Сѣрая жизнь, сѣрые люди... тоска! Положить намъ могутъ возразить, что человеческая жизнь вся соткана изъ мелочей, что сѣренькихъ существованій не здѣ полнонь полно, ergo: писателямъ, волей-неволей, приходится черпать свой матеріалъ изъ источника, образованнаго самой жизнью. Согласиться съ такимъ возраженіемъ вѣдь-ли возможно: стремленіе къ лучшему существованію должно-же быть въ обществѣ, есть-же какіе-нибудь у него идеалы, и дѣло художника воплотить эти идеалы въ живые образы, показать ихъ во всемъ, такъ сказать, ростъ, чтобы видно было людямъ — чѣмъ они должны быть... Ничего подобнаго наша современная литература не создаетъ, несмотря на всѣ средства къ тому. Объяснить такой пробѣлъ въ современной литературѣ отсутствіемъ талантовъ едва-ли возможно: таланты, несомнѣнно, есть, но нѣтъ у этихъ талантовъ одной драгоценности, которую имѣли писатели сороковыхъ годовъ, именно — терпѣнія. Теперешній писатель старается какъ можно скорѣе напечатать какую-нибудь повѣсть, рассказъ, романъ и проч., чтобы сдать издателю и получить поскорѣе деньги. Это печальное явленіе въ нашей литературѣ мы отмѣчали еще въ прошломъ году, о томъ-же приходится, къ сожалѣнію, говорить и теперь. У современныхъ талантовъ не было хорошей школы, поддержки, а въ силу этого и не могли они ничего создать большого, да и вѣдь-ли создадутъ въ будущемъ... Но довольно сѣтованій, ибо, сѣтуй не сѣтуй, а ничего не передѣлаешь этого; рѣшится все это, вѣроятно, само собой, когда придетъ время, когда новые таланты отодвинутъ на задній планъ теперешніе... Скоро-ли наступитъ такая пора — оному Богу извѣстно! Посмотримъ лучше, что да вѣтъ намъ жу, июля 1893 года. *Русский*

Мысль преподнесла своимъ читателямъ сразу два произведенія „нашихъ извѣстныхъ беллетристовъ“: „Наши люди“ г. Боборыкина и „Изъ записокъ незнакомца“ г. А. Чехова. Г. Боборыкинъ героями для своей повѣсти взялъ лицъ изъ міра „услужавшихъ“, — лакеевъ, горничныхъ, кухарокъ, судомоевъ, истопниковъ, разсылныхъ и проч. братьевъ, извѣстной подъ общимъ именемъ „людей“. Центральною личностью повѣсти — является Викторъ, лакей нѣкихъ господъ Пружинныхъ. Цѣлыхъ семь главъ посвящаетъ авторъ описанію личности Виктора: какую онъ имѣлъ наружность, какіея масломъ назвалъ голову, во что одѣвался, какъ ходилъ, служилъ, смотрѣлъ, какъ позѣвывалъ, какъ щурилъ глаза, что думалъ, какую читалъ газету и, притомъ, какъ читалъ. Въ общемъ получается типичнѣйшій „холуй“, какіея немало въ услуженіи въ барскихъ домахъ. Далѣе г. Боборыкинъ подробно знакомитъ читателей съ тѣмъ, какъ живутъ слуги и что они говорятъ про господъ. Цѣлыя страницы повѣсти наполнены этими разговорами и, читая ихъ, получается такое впечатлѣніе, какъ будто вы находитесь въ лакейской, гдѣ собралось нѣсколько холуевъ, горничныхъ и кухарокъ, занятыхъ перемываніемъ косточекъ своихъ патроновъ и патронессъ. Запахонъ лакейской и кухни отдаетъ ото всей повѣсти г. Боборыкина, который, какъ это сказывается при чтеніи, съ большою, повидимому, любовью описываетъ своихъ „героевъ“, желающихъ казаться „благородными“ и третирующихъ тѣхъ, кому они служатъ, какъ самую послѣднюю дрянъ. Но, пока, мы воздержимся отъ окончательнаго опредѣленія новаго произведенія г. Боборыкина, такъ какъ повѣсть эта еще далеко не закончена; о томъ-же, что позволено въ первыхъ трехъ книжкахъ, ничего много сказать нельзя.

Послѣ второго рассказа г. Чехова „Изъ записокъ незнакомца“ получается совершенно другое впечатлѣніе, именно, что сѣтъ не въ личностяхъ, а въ биологической точкѣ зрѣнія, въ роковой необходимости для цѣлаго поколѣнія быть такимъ, а не этакимъ. Пусть человѣкъ пошлый, ничтожный... что-жъ? виновать не онъ — таково время; человѣкъ — циникъ до

мозга костей, — опять: виновато время; человѣкъ — негодай, пусть! не въ немъ вина, а время тому причиной, сама жизнь такова... Идя въ томъ-же направленіи далѣе, можно, на основаніи того, что существуетъ биологическая точка зрѣнія, оправдывать всякую мерзость, всякое негодайство... Суть разсказа Чехова такова. Петербургскій чиновникъ Орловъ, пошлякъ и циникъ, какіея еще рѣдко приходилось встрѣчать, увлекъ одну барыню, Зинаиду Федоровну, которая отдалась ему всей душой, ушла отъ мужа, а онъ глумится надъ ней, измывается и доводитъ ее до отчаянія. Вотъ и все. Орловъ низокъ. Въ этомъ убѣждается и Зинаида, убѣждается и высказываетъ ему это прямо въ глаза, а онъ? что онъ говоритъ противъ этого упрека? Не угодно-ли прослушать:

— Мы всѣ ходимъ вокругъ да около и никакъ не договорились до настоящей сути. Вся суть въ томъ, что вы ошиблись и не хотите въ этомъ сознаться вслухъ. Вы воображали, что я герой и что у меня какіе-то необычайные идеи и идеалы, а на повѣрку вышло, что я самый заурядный чинуша, картежникъ и не нѣтъ пристрастія ни къ какимъ идеаламъ. Я достойный отпрыскъ того самаго малаго свѣта, изъ котораго вы бѣжали, возмущенная его пустотой и пошлостью. Сознаетесь-же и будьте справедливы: негодуйте не на меня, а на себя, такъ какъ ошиблись вы, а не я.

Въ этомъ отвѣтъ Орловъ весь, какъ на ладони. Онъ гордится глѣзъ, что картежникъ, онъ вполне доволенъ, что носить кличку чинуши. Онъ настолько презираетъ другихъ, что не считаетъ даже нужнымъ скрывать свои недостатки... На-те, вотъ они, смотрите ихъ! А нравятся вамъ они, или нѣтъ — на все это имъ наплевать!...

Но, странное дѣло: не смотря на всю пошлость натуры Орлова, онъ въ обрисовкѣ г. Чехова является какъ-бы окруженный какими-то сіяніемъ. Онъ кажется, въ первыхъ, умнѣе всѣхъ, его окружающихъ, его страстно любитъ и, повидимому, даже отчасти уважаетъ, къ нему обращаются за разрѣшеніемъ нѣкоторыхъ „проклятыхъ“ вопросовъ, словомъ, онъ, такъ сказать, господствуетъ... И г. Чеховъ, повидимому, стоитъ за своего героя, смотритъ на него

Астраханский вестник.

1893. 8 апреля. № 1087.

С. 2.

как на типичного представителя современного поколения... На замѣчаніе „неизвѣстнаго чловѣка“, что „живой чловѣкъ не можетъ не волноваться и отказываться, когда видѣть, что самъ погибаетъ и вокругъ гибнутъ другіе“. Орловъ, изъ-за синыя котораго, страннымъ образомъ, видѣется самъ авторъ, говоритъ: „Я вовсе не проповѣдую равнодушія, а хочу только объективнаго отношенія къ жизни. Чѣмъ объективнѣе, тѣмъ меньше риску впасть въ ошибку. Надо смотрѣть въ корень и искать въ каждомъ явленіи причину всѣхъ причинъ. Мы ослабли, опустили, пали, наконецъ, наше поколѣніе вполнѣю состоитъ изъ неврастениковъ и нытиковъ, мы только и знаемъ, что толкуемъ объ усталости, о переутомленіи, но виноваты въ этомъ не вы и не я; мы слишкомъ мелки, чтобы отъ нашего произвола могла зависѣть судьба цѣлаго поколѣнія. Тутъ, надо думать, причины большія, общія, имѣющія съ точки зрѣнія биологической свой солидный *raison d'être*. Мы неврастеники, кислики, отступники, но быть можетъ, *это нужно и полезно* для тѣхъ поколѣній, которыя будутъ жить послѣ насъ. Ни одинъ волосъ не падетъ безъ воли Отца Небеснаго, — другими словами, въ природѣ и въ чловѣческой средѣ ничто не творится зря. Все обосновано и все необходимо. А если такъ, то чего-же намъ особенно беспокоиться и бить себя по персямъ?“

Какова философія! Мы гадость, дрянн, овцы паршивыя, но съ биологической точки зрѣнія этому такъ и слѣдуетъ быть. Пусть царитъ пошлость, пусть негодяйство охватываетъ наше поколѣніе, пусть низость и вразъ будутъ окружать насъ... что изъ этого? Вѣдь, это все обосновано и все необходимо, стало быть — чего-же „бить себя по персямъ“, говоря словами Орлова?.. Въ отчаяніе можно придти, если наши молодые талантливые писатели будутъ возводить пошлость на пьедесталъ и оправдывать ея существованіе необходимостью... Нѣтъ, не взирая ни на какія апологіи пошлости, мы не вѣривъ, чтобы ее нельзя было изжить и что она есть неизбѣжный спутникъ нашего поколѣнія!..

Какъ будто сговорились наши писатели писать лишь пошлость да глубину люд-

скую. Не типы, не художественные образы даютъ они намъ, а какіе-то ошурки, отбросы, туманныя пятна... Вотъ хотя-бы *г. Баранцевичъ*. Въ „Сѣв. Вѣстн.“ оный печатаетъ романъ подъ заманчивымъ заглавіемъ: „Семейный очагъ“. Приступая къ чтенію этого романа, мы предполагали встрѣтить въ немъ что-либо особенное, выдающееся, открывающее какія-либо новыя стороны семейной жизни, указывающее на возможность устроить семейную жизнь на разумныхъ, добрыхъ началахъ... Къ сожалѣнію, предположеніе наше не оправдалось и „Семейный очагъ“ ничего намъ новаго не приноситъ. Все, что *г. Баранцевичъ* описываетъ въ своемъ романѣ, описывалось тысячи разъ: передъ бракомъ — радужныя надежды, послѣ вѣнца — мелкія ссоры, крупная вражда, безобразная, пошлая и праздная жизнь. Онъ — на службу, она до 12 ч. спитъ, затѣмъ оный приходитъ со службы, семейный обѣдъ, толкованія о томъ, что котлета перегорѣла, мясо вздорожало, на рынокъ ни къ чему приступу нѣтъ... Тамъ, неизбежная теща, война съ ней: потому первый ребенокъ, а далѣе и пошло все такъ, какъ у людей... Скучно! И къ чему изображать то, что уже было изображено болѣе талантливыми беллетристами? Ужъ если браться за такую тему, какъ семья, то нужно создать что-нибудь особенное, что-нибудь такое, что могло-бы захватить, такъ сказать, читателей всего цѣликомъ, открыть ему путь къ достиженію идеаловъ семейной жизни... Вотъ въ этомъ была-бы великая заслуга со стороны художника слова... А то что-же это такое, хотя-бы произведеніе *г. Баранцевича*? Вѣдь тоска заберетъ, читая его „Семейный очагъ“ и, съ трудомъ дойдя до конца, выдохнешь съ облегченіемъ: слава Богу, одолѣлъ!.. Впрочемъ, романъ еще не конченъ: оный обрывается на томъ, какъ нѣкій Нахальновъ начинаетъ ухаживать за Наденькой („молодая“) и безуспѣшно... Такихъ образовъ, впереди предстоитъ еще длинныя утомительныя страницы описанія любви Наденьки и Нахальнова, сцены съ кушемъ Наденьки, извѣна Нахальнова и проч. и проч., все, какъ по трафарету.

Отъ этихъ „образовъ безъ лицъ“ и грубо пошлыхъ сценъ какъ-то отдыхаетъ душою, прочитывая очерки *г. Гарина* въ „Рус. Бог.“ — „Гимназисты“. Авторъ

описываетъ жизнь нѣсколькихъ товарищей по гимназіи и описываетъ очень живо и увлекательно. Молодежь въ его очеркахъ является милой и симпатичной, такой, какой и подобаетъ быть молодежи. Очевидно, авторъ даетъ характеристику гимназистовъ прошлаго, какъ, приблизительно, семидесятыхъ годовъ, когда гимназисты дѣйствительно учились, читали, думали, спорили, разсуждали, когда въ собраніяхъ ихъ не было мѣста скабрзостямъ, не разсказывалось о томъ, кто сколько выпилъ, кто сколько проигралъ или выигралъ въ карты, не разсказывалось о пощеніяхъ *ти-ки-хъ* домовъ и проч. пошлостей. Молодежь *г. Гарина* ушла болѣе производительно проводить время, находить болѣе благодарныя темы для взаимныхъ бесѣдъ, и если шалила при этомъ, то шалости были самыя невинныя, безъ которыхъ молодежь и обойтись не можетъ. Гаринъ довелъ свои очерки до того момента, какъ кружокъ гимназистовъ старшихъ классовъ порѣшилъ издавать журналъ. Пробывая сцены, въ которыхъ описываются совѣщанія гимназистовъ о томъ, каковъ долженъ быть журналъ, кто и что въ немъ будетъ помѣщать, кого выбрать редакторомъ и проч., невольно какъ-то увлекаешься всѣмъ этимъ, и до реальности ясно представляешь себѣ эти сцены: милыя, оживленныя лица, горячія рѣчи, споры безъ брани — все это какъ будто видишь, какъ будто присутствуешь среди пылкихъ головъ... Да, было время!.. И горькое чувство охватываетъ при видѣ того, что теперь происходитъ. Теперешній гимназистъ, только кажется, и мечтаетъ о томъ, какъ-бы ему одѣться попоголеватѣе, побольше нитѣй побѣды среди *этихъ* дамъ, поменьше учиться и жить для того, чтобы получать отъ жизни только „веселыя впечатлѣнія“. Можетъ быть найдутся люди, которые скажутъ, что мы очень ужъ стесняемъ краски, говоря о теперешней учащейся молодежи средней школы въ отрицательномъ смыслѣ; но тогда пусть эти люди укажутъ намъ, гдѣ и въ чемъ мы ошибаемся. Думается, что врядъ-ли дождется такихъ указаній, ибо отрицательныхъ фактовъ, говорящихъ не въ защиту нашей среднешкольной молодежи, множество, а о положительныхъ-же что-то и не слышать.